

Чжоу Юньшэн думал, что представление было просто необходимым способом для Густава успокоить участников, поэтому он просто не думал, что это приведет к чему-либо. Они переоделись и понаблюдали за друг другом в раздевалке.

Чжоу Юньшэн выбрал для себя британское аристократический утренний наряд. Серебристо-серый пиджак с кашемировыми полосатыми брюками, серый жилет с двойным отворотом и белоснежная рубашка с воротником, затем он повязал серебристо-черный шелковый шейный платок с причудливым рисунком.

Теперь он выглядел как благородный молодой господин, все его жесты были элегантными и изысканными, привлекающими внимание.

Густав долго смотрел на него, потом посмотрел на себя. Он также был одет в костюм-тройку, но работа была гораздо менее великолепной, чем наряд Котенка, и, судя по стилю, он казался слугой.

Чжоу Юньшэн объяснил, покраснев: "Потому что я хотел представить аристократическую жизнь восемнадцатого века. Он должен быть высокомерным и томным, старомодным и живым, поэтому мы теперь одеты как пара молодого хозяина и слуги. Теперь я твой хозяин, ты можешь это принять?", - он осторожно посмотрел на мужчину своими голубыми глазами. Он знал, как использовать мощное очарование этого тела, и не колеблясь использовал бы его для собственного удобства.

Как и ожидалось, мужчина действительно не выказал никакого недовольствия, он улыбнулся и вежливо сказал: "Я готов служить вам, мой господин", - на самом деле он не только не чувствовал себя обиженным, он был очень доволен этой обстановкой.

Чжоу Юньшэн показал соответствующее благодарное выражение.

Они только немного подкрасились, так как уже были достаточно красивы, а затем оба направились в гостиную в стиле барокко.

"Как бы вы хотели сидеть, мой господин?", - почтительно спросил Густав. Если бы он мог, он даже хотел взять Котенка за руку и поцеловать его в спину.

Его нежное и внимательное, элегантное поведение заставляло женщин-участниц непрерывно визжать.

"Я сяду в это кресло, а ты встань рядом со мной. Сначала мы сделаем нейтральную фотографию, чтобы увидеть эффект. Тебе не нужно принимать никаких особых поз, просто играй свою роль. Обязательно заставь людей увидеть нашу личность с первого взгляда".

"Да, мой господин. Пожалуйста, присаживайся", - Густав тут же наклонился, чтобы почистить великолепный стул с высокой спинкой, затем схватил Котенка за руку и притянул к себе.

Он был достоин того, чтобы стать самой высокооплачиваемой мужской моделью в мире, его скорость адаптации была очень быстрой.

Чжоу Юньшэн был очень доволен работой этого человека, но он притворился нервным и предупредил: "Хорошо, с этого момента я твой хозяин, а ты мой слуга. Когда я нахожусь перед камерой, я действительно вхожу в свою роль и забываю о своем месте. Поэтому, пожалуйста, прости любую невежливость".

"Независимо от того, как ты относишься ко мне, моя преданность и любовь к тебе никогда не изменятся. Когда я тебе понадобится, я немедленно появлюсь рядом с вами, чтобы решить все твои проблемы за тебя. Вечно сопровождать тебя... это мое самое большое удовольствие".

Все думали, что Ачесон притворяется, только он знал, эти слова долго зрели в его сердце, просто ожидая того дня, когда он сможет признаться в своей любви небесам и своему любимому человеку.

Теперь, когда его сердце, наконец, было очень удовлетворено, он отступил в легком поклоне, чтобы сделать жест уважения.

В этот момент он был сыном дворянина, безупречно исполняющим свою роль. А позади него стоял красивый и нежный на вид слуга, молча глядя на него беспомощным, но любящим взглядом.

Это была неподвижная картина, но она, казалось, говорила о том, что за этими двумя было много скрытых историй. Слегка приглушенный свет придавал рассказу неопределимую горечь и тяжесть.

"Замечательно! Мне нравится это сентиментальное чувство!", - фотограф едва успел сделать один снимок, который уже выражал свою нежность.

"Опять же, Ромео всегда снимает самые замечательные фотографии в кратчайшие сроки, так раздражает!", - толпа игроков была в ярости от зависти, особенно Эмили, которая уже перечислила мальчика как врага номер один, которого ей нужно было уничтожить.

"А теперь мы будем снимать вон за тем обеденным столом. Хотя фотография - это искусство, я хочу придать ей теплое, живое и естественное ощущение. Что ты думаешь об этой идее?", - Чжоу Юньшэн посмотрел на мужчину.

"Твоя идея великолепна, мастер. Что тебе нужно, чтобы слуга сделал?", - Густав поклонился, несколько пристрастившись. Он был готов стать слугой Котенка на всю жизнь, если тот отдаст ему свое сердце.

"Налей мне вина или чего-нибудь еще", - неуверенно ответил Чжоу Юньшэн. Он привык искать ощущения во время съемки, он понятия не имел о конкретных действиях.

Они подошли к огромному столу. Благодаря всемогущим мастерам реквизита у них были не только миски, ножи и вилки, хлеб, масло и овощной салат, они даже поставили несколько бутылок красного вина и большую банку молока. Если игрок хотел сделать несколько снимков во время еды, он мог просто использовать это.

Чжоу Юньшэн сел в кресло во главе стола и поднял бокал с вином, обращаясь к своему слуге.

Густав тут же начал наливать ему вино, но вдруг остановился.

Чжоу Юньшэн поднял брови, его глаза были крайне недовольны, как будто он спрашивал: "Почему ты бездельничаешь? Ты глупый слуга".

Верный слуга слегка поклонился и улыбнулся: "Господин, тебе еще четыре месяца до совершеннолетия, так что сейчас ты не можешь пить алкоголь. Я налью тебе стакан молока, пить молоко поможет тебе стать выше".

Под пристальным взглядом мастера он налил стакан молока и протянул его.

Когда они вдвоем вступили в контакт, фотограф щелкнул затвором. Два человека, один согнувшийся, другой устремленный вверх, нежный и надменный, зрелый и смиренный, их глаза столкнулись, усеивая воздух великолепной атмосферой. Несравненная красота двух мужчин и молчаливое понимание в их общении заставляли фотографии выражать какую-то необъяснимую близость и странную двусмысленность.

Когда мальчик выпил молоко, мужчина тут же достал носовой платок, чтобы вытереть рот. Мальчик нахмурился, демонстрируя гордое выражение "ты действительно раздражаешь", но он послушно поднял челюсть и молча принял замечание мужчины. Глаза слуги стали глубже и тяжелее, даже яркий свет не мог проникнуть сквозь сильные чувства, тихо зреющие в его зрачках. Даже когда оба мужчины были в профиль, их глубокие контуры лица завораживали.

Фотографы запечатлели снимок, а затем тщательно увеличили его, чтобы рассмотреть каждую деталь. Замечательно - идеальное освещение, идеальный стиль, идеальные выражения, и эмоции, которые выражали их глаза, были еще более совершенными. Неподвижная фотография была переполнена сентиментальными чувствами и живостью, достаточными, чтобы легко тронуть сердце зрителей.

У фотографа не было намерения продавать гниль, но он должен был признать, что чрезвычайно блестящая фотография была как раз для гнилых женщин.

Он быстро настроил фокус камеры, но обнаружил, что оба человека встали из-за стола и медленно направились в гардеробную.

"Хозяин, твой галстук криво завязан", - Густав наклонился, чтобы помочь подростку поправить платок его пальцы ненадолго задержались на крошечном кадыке.

Кадык был одним из смертельных мест человека, и если бы ему не нужно было стрелять, Чжоу Юньшэн никогда бы не поднял шею, чтобы показать свою слабость, особенно этому человеку, который намеренно или непреднамеренно ощупывал ее. Но через несколько секунд он потерял терпение. Он стряхнул руку мужчины, схватил его за галстук и потянул вниз. Впервые его глаза цвета морской волны утратили свою обычную чистоту, обнажив опасный блеск. Он молча предупредил другого мужчину, чтобы тот не прикасался к его шее, это было запрещено.

Удивление Густава длилось всего мгновение, затем оно сменилось всепоглощающим трепетом. Казалось, что Котенок может быть не только момэнг, у него были острые когти, и любой, кто спровоцирует его гнев, понесет его дикое возмездие. Это действительно волнующий характер!

([Maimeing - сленг, обозначающий привлекательность. Вам, ребята, нужно знать, что такое Мэн, если вам нравятся китайские гей-романы. Это буквально означает "росток", но на сленге это означает "милый". Это очень близко к японскому Мо, но мо - это глагол, а мэнг - прилагательное).

"Как может существовать в мире такое уникальное, противоречивое и прекрасное существо? Он создан специально для меня!", - Густав широко улыбнулся, сохраняя неловкую позу подростка, который тащит его вниз за галстук-бабочку, он протянул руки и зажал мальчика в углу стены, показывая, что он все еще находится в более сильной позиции, даже если его схватили за горло.

У мальчика не было страха, он гордо поднял челюсть и прищурил глаза. Это случайно сократило расстояние между ними, они просто вдыхали запах друг друга.

Густав уперся руками в стену, его вены пульсировали. Он отчаянно боролся с желанием держать Котенка на руках и любить его. Это заставило его напрячься до предела, он был похож на высокую скульптуру. Подросток был в более слабом положении, но его мятежные яркие глаза делали его единственным ярким пятном в тесном и мрачном пространстве.

Такое сильное эмоциональное столкновение, такая крайняя депрессия были прелюдией к вспышке безумия. Этот дворянин и его покорный слуга, верность и предательство, извращенная смена их ролей, создали несравненную фотографию.

"Блестяще! Прекрасно! 30 снимков, и ни один снимок не был потрачен впустую! Ваше выступление было фантастическим!", - в сильном возбуждении закричал фотограф. Очевидно, это было их первое сотрудничество, но такое естественное понимание и гармония чувствовались так, как будто они знали друг друга сотни лет. Когда они стояли вместе, все вокруг них становилось их фоном, и темное подводное течение, которое текло между ними, изолировало их в пространстве, которое не мог потревожить никто другой.

Если бы однажды они стали парой, фотограф не испытал бы ни малейшего удивления.

Чжоу Юньшэн быстро оттолкнул мужчину, покраснев и извинившись: "Прости мои действия, мистер Ачесон, я не привык, чтобы меня трогали за шею".

"Все в порядке, я был слишком смелым. Но... тебя никогда не трогали?", - Густав был застигнут врасплох и с надеждой спросил это.

"Да, прости", - Чжоу Юньшэн не лгал, Ромео действительно был маленьким девственником.

Карие глаза Густава загорелись радостью, он потрепал Котенка по волосам и тепло сказал: "Это не имеет значения, это была моя вина. Я не должен был прикасаться к твоему чувствительному месту без твоего согласия. Это я должен просить прощение".

Двое людей улыбнулись друг другу, наконец-то избавившись от неловкой атмосферы. В этот момент подошла Эмили, одетая в длинное кружевное платье, она улыбнулась и сказала: "Извините, что прерываю ваш разговор, но мистер Ачесон, пришло время для моей съемки".

Ее платье было чисто черным и полупрозрачным, луч солнца сверкал над ним, легко обнажая ее сексуальное нижнее белье под ним. Ее темп был мощным, заставляя ее чувственную грудь непрерывно покачиваться, даже наполовину прикрытая, она почему-то выглядела более открытой, чем когда была в бикини.

Все мужчины в студии смотрели на нее, показывая тонкие или откровенные похотливые глаза, за исключением Густава, который ни капельки не волновался, он был даже несколько равнодушен.

"Да, я сейчас приду", - он вежливо и отстраненно улыбнулся, но когда прощался с мальчиком, его глаза были очень нежными и любящими. Это вызвало у Эмили такую ревность, что она чуть не задохнулась. У нее были некоторые сомнения относительно его сексуальной ориентации, но она приказала себе не думать об этом. Как может такой мужественный и сексуальный мужчина, как мистер Ачесон, быть геєм?!

Наряд Эмили для ее партнера состоял из высокого костюма, чисто черного, с шелковым вырезом, и чистой черной рубашки, без галстука. После того, как мистер Ачесон вышел из раздевалки, она с минуту оценивающе смотрела на него, затем протянула руки, чтобы расстегнуть несколько верхних пуговиц его рубашки.

Густав тут же отступил на несколько шагов и сам расстегнул пуговицы. Что, черт возьми, делает эта женщина? Он мог видеть ее мысли насквозь с первого взгляда, но если он правильно помнил, она все еще была девушкой Хайдена, верно?

Выражение его лица по-прежнему было мягким и скромным, но глаза стали еще более равнодушными и отстраненными, смотрели внимательно, было даже какое-то нетерпение и презрение. Эмили была уличной девочкой, она научилась читать настроение, она быстро извинилась перед ним, а затем взяла на себя инициативу, чтобы не прикасаться к нему фамильярно.

Она знала о различном поведении Ачесона между ней и Ромео. Это заставило ее почувствовать беспокойство, поэтому она попыталась соблазнить Ачесона на фотосессии, используя свою сексуальность, чтобы очаровать и "случайно" потереться о его тело, чтобы спровоцировать его похоть.

К ее разочарованию, Ачесон был не только равнодушен к этому, после фотосессии он бросил на нее острый, холодный взгляд, от которого у нее волосы встали дыбом. Она не хотела испытывать этот взгляд во второй раз.

"Может быть, я был слишком откровенен, поэтому мистер Ачесон почувствовал себя неловко, в конце концов, вокруг так много камер, что он не может показать никакой предвзятости. Как я могу ему не нравиться? Я намного красивее Бонни", - у нее была героическая настойчивость, она быстро восстановила утраченную уверенность в себе и приготовилась удвоить свои усилия.

<http://bllate.org/book/14189/1250379>